

пряжением, неожиданностями поворотов сюжета, вторжениями публицистичности и, конечно, острым психологизмом, объясняющим психологизмом, умело соединяющим, а в ряде случаев сливающим голос автора и характерные голоса героев. Держат же эту «мозаику», не дают ей рассыпаться сквозные внутренние мотивы, отражающие глубокую авторскую, человеческую заинтересованность, авторский пафос. Эти мотивы располагаются, как и авторские объяснения, в нескольких плоскостях: *политически* это мотив веры автора в разум и силу пробудившегося к новой жизни народа (шествие народа по улицам города — одна из самых эмоционально сильных и рационально символических, «горьковских» сцен книги); *нравственно* это мотив личной ответственности человека за выбор, который он делает, сталкиваясь с теми сложными ситуациями, в которые его «впутывает» история (слишком часто, чтобы быть случайным, повторяется в романе само это слово — «выбор», «я должен сделать выбор»); есть в книге и *философский* сквозной мотив, он касается проблемы «реальности и иллюзий, права на правду и на ложную «систему фраз», если вспомнить горьковского Самгина, — и ясно, что, писатель социалистический, А. Ивасюк стоит за правду, за честный взгляд на жизнь, какова она есть, а не каковой кажется, хотя он понимает (и объясняет нам), что иллюзии могут возникать у людей не только кроваво-«нищпеанские», вроде тех, что у Карлика, но и благородные (от них освобождаются и недоверчивый Леораян, и нетерпеливый Матус, и не все еще умеющий трезво понять Дэнкуш, и снедаемый жаждой правды пострадать «прозревший интеллигент» Пауль Дунка).

Впрочем, этот философский пафос в книге, конечно, сливается воедино с нравственным и политическим. Как и должно быть в подлинном искусстве...

Автор романа «Половодье» не увидел советского издания своей книги: в марте 1977 года, к горю нашему, он погиб во время бухарестского землетрясения. Я был знаком с Александром Ивасюком. Разговоры с ним в Бухаресте и в Москве были интересными, поучительными. Он многое знал и еще больше хотел узнать о жизни нашей страны, которую высоко ставил в мире, — он любил обсуждать глобальные политические вопросы. В разговоре А. Ивасюк раскрывался как незаурядный эрудит, впечатлительный и одновременно глубокий человек, как остроумец (остр умом!).

Читая «Половодье», я много раз ловил себя на мысли, будто слышу его голос, вижу блеск его глаз, вникаю в смысл его отточенных и одновременно темпераментных объяснений.

Да ведь так оно и есть: жизнь писателя продолжается в его книгах.

Ю. СУРОВЦЕВ

ПОЧВА И СУДЬБА

Современная норвежская новелла. Перевод с норвежского. Составитель Ф. Золотаревская. Москва, «Прогресс», 1977.

Есть особая притягательность в антологиях, будь то антология стихов или рассказов. Не найти там, пожалуй, той артезианской глубины жизненных пластов или лирических характеров, что можно обнаружить в романе или поэтической книге, но зато существует эффект мозаики: каждый отдельный мазок, каждый отдельный блок дают свой оттенок, а в целом возникает красочная, прорисованная в деталях картина.

Драгоценная особенность рассказа в том и заключается, что, будучи лаконичным, он дает концентрированную, плотную или, как теперь говорят, густую зарисовку характера, явления, ситуации. Вот отчего и люблю я сборники рассказов.

В «Современной норвежской новелле», куда вошли произведения тридцати одного автора, прекрасно уживаются разные писательские поколения, разные творческие манеры и, главное, разные ракурсы, в которых видится человек, видится мир.

И это очень увлекательно! Жизнь, которая на отдалении кажется нам одинаковой (неприветливый климат, выносившие, трудолюбивые люди — вот, в сущности, и вся наша «модель» Норвегии), предстает удивительно богатой, многоликой, драматичной. Здесь новеллы и о детях, и о первой влюбленности, и о семейной жизни, и о старости, и о взаимоотношениях детей и родителей, хозяев и работников, людей и животных — словом, о всей жизни человеческой. Жизни, в которой есть место и радостям, и горестям, и трагедиям, и страданию.

Два рассказа могут сразу дать представление об амплитуде и тональности сборника.

Через три года после свадьбы («Рождество мстителя» А. Сандемусе) от сорока-трехлетнего Конрадсена сбежала с молодым банковским дельцом двадцатитрехлетняя жена Аннелиза. Велико горе брошенного мужа, да еще тройное усугубленное обывательской бязнью насмешек со стороны знакомых. Как отомстить? И вот однажды его озарило: она ведь будет стариться, поплекнет ее красота, а уж какой сморщенной и высохшей будет она в шестьдесят лет! И вот тридцать семь лет он ежегодно устраивает маленький праздник в день ее рождения (падавший как раз на канун рождества): еще на год негодница ближе к старости! Наконец настал день, когда ей стукнуло шестьдесят. А ему восемьдесят... И в этот день, проходя мимо какого-то магазина, он увидел в витрине этикетки с ценами: 40, 3, 37, 80. Нет! — подобно пушкинскому Герману (не исключено, что «Пиковая дама» и подка-

зала этот ход) потрясенно вскричал старик, увидев 37 и 80 вместо 60! — Нет! — и умер от разрыва сердца.

И еще судьба, внешне контрастная этой. «Жили в большом городе одна-единственная девушка и один-единственный юноша. Их райским садом был громадный парк на городской окраине, и здесь по четвергам в пять часов пополудни юный Франческо встречался со своей Лаурой» (А. Омре. «В парке»). Романтически мечтали о том, как они поженятся, горевали, что никак не могут пока решиться на это: слишком мало он получает, на такой заработок не снимешь квартиру, не заведешь детей. Пять лет продолжались томительные четверговые встречи с поцелуями на скамье под дубом. Внезапно он скрылся: уехал в Америку, чтобы быстро разбогатеть в обетованной стране. Но только к глубокой старости скопил он немного денег и вернулся доживать остаток дней на родине. Старый, одряхлевший, приходит он в четверг к тому дубу, садится на скамейку рядом с незнакомой женщиной и рассказывает ей свою историю. Он не узнал Лауру, но она узнала его: все эти десятилетия (пожалуй, больше чем тридцать семь лет) она приходила сюда по четвергам.

Две небольшие новеллы, выдернутые из потока повседневности, но сколько в них скрыто подтекста. Бессмысленная злоба, заполнившая тридцать семь лет жизни, страх перед семейным счастьем, не подкрепленным земными благами, верная любовь к пропавшему жениху. Все чуть-чуть усилено — иронией в одном случае и романтикой в другом, — но как верно показаны и пуста существования, и иллюзорность надежд на счастье, и спасительная вера.

Не это ли в своей переплетенности и создает так называемый образ жизни, под которым разумеется не только уровень благ, но и характер отношения к действительности, уровень духовных запросов.

Или еще два рассказа об одном и том же событии — осуществившейся мечте о внезапном чуде, внезапном счастье: большим выигрыше по лотерейному билету. Выигрыш, который в «Лотерейном билете» Э. Болстада привел к смертельной вражде и драке двух братьев, а в «Освобождении» Э. Эккланда — к убийству батрака разъярившимся хозяином. Не правда ли, какая горькая ирония судьбы: даже счастье оборачивается несчастьем!

Норвежская проза прочно стоит на земле, на реальной почве, и оттого в большинстве своем новеллы носят грустный характер: несчастный исход, скудный жизненный удел, изнурительная односторонность существования. И в этом терпком привкусе отнюдь не повинна «злонамеренность» составителя Ф. Золотаревской, такова объективно уловленная ею доминанта той реалистической прозы, что близка к повседневной жизни, где маленькому человеку — будь то служащий, коммивояжер, хуторской житель, рыбак — всегда трудно. Столько сил затрачивается на то, чтобы

выжить, что не остается сил на то, чтобы жить.

Пронзительная при всей дотошной скрупулезности деталей — а может, как раз в силу этой скрупулезности — новелла «Лив» Б. Вик повествует о сравнительно обеспеченной рабочей семье. Но обеспеченной за счет изматывающего труда. Два детали стягивают сюжет этой новеллы, Лив на работе зачищает тарелочки перед обжигом, снимая их с гипсовых форм. Два с половиной тысячи тарелок в день, четыре движения: форма — скребок — губка — вагонетка. «Последнее время гора обработанных тарелок так и стоит у нее перед глазами, она прикинула: на стопку высотой в один метр идет примерно сотня тарелочек... за день она обрабатывает горку высотой метров в двадцать пять... за три недели она успевает отшлифовать гору тарелок выше Эйфелевой башни». А дома, едва держась на ногах (она уже отстояла восемь часов в цехе), Лив гладит белье — у нее муж и двое сыновей, «Куча неглаженного белья никак не уменьшается, если отложить остальное на завтра, она не успеет сточить обед на два дня, как она обычно делает по средам». Между этими двумя «пиками» — горой тарелочек и кучей белья — и уместается вся жизнь. Где то, о чем мечталось в юности, чего хочется сегодня? Уже ничего не успеть...

О таком же существовании и «сельская» новелла «Бирте из Свейгенеса» С. Хельмебакка, и «морская» история «Мы нефть возим» Г. Б. Гуннерсена. Но, пожалуй, еще более трагический колорит у тех рассказов, в которых культ вещей доводит человека до ненависти, подозрительности, психического сдвига. Уже в самих «вещных» главах акварелью тонкой психологической новеллы «Вмятина» Ю. Боргена и grotesковой «Паркет» О. Солумсмузна обозначен кругозор, масштаб ничтожного потрясения, вызвавшего патологию, сдвиги. И это, может быть, самое разительное по сравнению с тем, что мы привыкли читать в нашей прозе: пустота, выморочность существования.

Но при всем том в сборнике не заглушено важное свойство жизни так называемого маленького человека — его бесконечная воля к тому, чтобы не только выжить, но и жить. Жить наперекор судьбе, наперекор внушаемому смирению, наперекор череде неудач. Одна из самых сильных, психологически достоверных новелл сборника — «Обломки» Ф. Бьёрнсета: двое «обломков» — безногий инвалид и трагически потерявшая ребенка женщина — находят, преодолевая стыд и цинизм, силу жить.

Не боясь быть банальным, сравню этот сборник с пейзажем Норвегии. Свинцовые тучи, частый моросящий дождь, приглушенные тона скалистой земли — и вдруг выглядывает солнце. Редко выглядывает, но оттого кажется и более теплым, и более светлым.

Во время поездки по Норвегии меня поразило, как спокойно, неторопливо каждый делает свое дело, будто и не сеет назойливый дождь. И как свежо, празднично покрашены дома в Бергене, одним из самых пасмурных городов. Эти ярко покрашенные дома и тщательно ухоженные, будто полированные зеленые квадратики газонов перед домами были для меня зримым воплощением того, что я определил *наперекор*.

Стойкость тогда стойкость, когда она подвергается испытаниям, как красота вдвойне красота, когда она создается, а не даруется «от бога».

И, продолжая эту мысль, скажу: ирония тогда особенно эффективна, когда не посмеиваются бездумно над человеческими слабостями и не пугаются невзгод, стараясь помочь преодолеть их, выработать душевную стойкость. Этот разговор об иронии вполне уместен, ибо она вносит весьма ощутимые оттенки в общую «мозаику» сборника. По-своему проявляется ирония у разных авторов, но, наверное, без этого своеобразного сочетания грусти, гнева и улыбки современная жизнь народа предстала бы обедненной. И, читая лучшие рассказы сборника, испытываешь то чувство, которое так великолепно уловил Б. Пастернак:

И тут кончается искусство
И дышат почва и судьба.

Именно так: почва и судьба.

А. БОЧАРОВ

*Издано
за рубежом*

МУДРЫЕ И НУЖНЫЕ УРОКИ

Георги Пенчев. *Литературные уроки на Луначарски*. София, «Наука и искусство», 1977.

Георгий Пенчев. *Литературные уроки Луначарского*. 1977.

Эта книга Георгия Пенчева, известного критика и литературоведа, вызвала в Болгарии много откликов. Мы попросили Георгия Пенчева рассказать, как родился у него замысел книги о А. В. Луначарском.

Сегодня мне трудно вспомнить, когда и как Анатолий Васильевич Луначарский вошел в мою жизнь. Кажется, его образ всегда занимал в моем сознании видное и незаемимое

место. Вероятнее всего, изучение деятельности и трудов В. И. Ленина открыло для меня и яркий ряд ленинцев, и, естественно, привело к Луначарскому, ближайшему другу и соратнику гениального мыслителя. Часто вспоминается оценка — ее приводит Горький в своем очерке о В. И. Ленине, — данная пролетарским вождем Луначарскому: «На редкость богато одаренная натура... Я его, знаете, люблю, отличный товарищ».

Воистину редкими качествами должен был обладать Луначарский, чтобы заслужить такую высокую оценку. Ленинский отзыв значит исключительно много, именно он явился для меня эмоциональным толчком к работе над книгой: страстно захотелось более подробно узнать о взаимоотношениях Луначарского с Лениным, проникнуть в его нравственный и духовный мир. Знакомство с Луначарским оказалось в сущности неповторимым путешествием в удивительно богатый и интересный мир революционных битв и духовных исканий, взлетов и падений, блужданий и открытий, мир, в котором чувствуется неотразимое воздействие ленинской гениальности, преданности пролетарскому делу и социалистической революции. И становится понятным, где берет начало щедрый родник любви и уважения Ленина к Луначарскому.

Есть и другая причина, заставившая меня более внимательно изучить некоторые страницы трудов первого наркома просвещения. В духовном развитии человечества советская литература и культура — новое, необычное явление. Не только в плане приобщения миллионов трудовых людей к эстетическим ценностям, новое — и в открытых искусством неизвестных ранее способах овладения человеком и миром, в художественном утверждении человека как творца своей судьбы и истории. Осмысливая характер и глубокую идейно-эстетическую сущность этих процессов, их революционный смысл, замечаешь, что Луначарский воспринимается как своеобразный символ новаторского характера советской литературы и искусства. Действительно, как много соединилось в его личности: революционная устремленность к будущему и сыновнее признание творчества предшественников, всего ценного в классическом наследии; изумляющая энциклопедичность и завидное умение сочетать литературный порыв с великим делом Коммунистической партии и пролетарской революции, умение сделать художественное творчество оружием освободительной борьбы. Можно назвать и другие существенные черты, но и они не исчерпают образ Луначарского.

В политике КПСС, в жизни современного советского общества получили естественное развитие и полный расцвет дерзновенная ленинская мысль. В сегодняшних достижениях советского народа, в растущей роли советской литературы и искусства как авангардной силы мирового художественного процесса живут стремления, идеи, прозрения Луначарского. Поэтому интерес